

A vertical photograph of a sunset over a body of water. The sky is filled with soft, colorful clouds in shades of orange, yellow, and blue. The sun is low on the horizon, creating a bright reflection on the water. The water is calm, and the reflection is clear. In the foreground, there are some dark, silhouetted plants or rocks. A white rectangular box with a black border is overlaid on the right side of the image, containing text.

НАШЕ ОРУЖИЕ – СЛОВО

**ПОД НЕБОМ
ПРОШЕДШЕГО
АВГУСТА**

Сергей Ходосевич

Под небом прошедшего августа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58119486

ISBN 9785005142856

Аннотация

Традиционный сборник группы «Наше оружие слово» ВК открывает читателю новые имена и продолжает знакомить с творчеством завсегдаев нашей литературной группы. Проза и поэзия на любой вкус, где каждый сможет найти что-то родное для себя, что всколыхнет душу. Сборник, что назван «Под небом прошедшего августа», представляет собой капустник из творчества наших авторов, который всегда захочется прочитать где-то в тени от летнего зноя или в тишине от всех домашних дел в уютном кресле.

Содержание

От редактора	5
Марат Валеев	9
Бяшка	9
Трактат о бане	13
Встреча одноклассников	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Под небом прошедшего августа

Редактор Сергей Ходосевич

ISBN 978-5-0051-4285-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От редактора

<https://vk.com/club188576710>

Традиционный сборник группы Наше оружие слово ВК

открывает читателю новые имена и продолжает знакомить с творчеством завсегдаев нашей литературной группы. Проза и поэзия на любой вкус, где каждый сможет найти что то родное для себя, что всколыхнет душу. Сборник, что назван Под небом прошедшего августа, представляет собой капустник из творчества наших авторов, который всегда захочется прочитать, где то в тени от летнего зноя или в тишине от всех домашних дел в уютном кресле

фото Яны Тать

Марат Валеев

Бяшка

Накануне своего дня рождения – через три дня должно было стукнуть целых двадцать пять лет! – я уехал в командировку по заданию редактора в откормсовхоз.

После интервью с директором об успехах и проблемах хозяйства он накрыл у себя дома дастархан, и вот там-то я и проговорился о своем грядущем дне рождения.

Подвыпивший директор тут же возжелал что-нибудь презентовать к грядущему событию. И отдал распоряжение продать мне овцу по себестоимости, то есть вдвое дешевле отпускной цены!

Мы с шофером Еркеком затолкали робко сопротивляющуюся овечку в багажник редакционного «Москвича», предварительно устлав днище куском кошмы. И, распрощавшись с гостеприимными хозяевами совхоза, поехали домой.

Но, поскольку сейчас у нас в багажнике находилась овца, которой, уж извините меня за эту душераздирающую подробность, предстояло быть закланной на мое двадцатипятилетие, мы с Еркеком решили, минуя райцентр, проскочить в мою деревню, к родителям.

Ну где бы я держал это животное до часа икс в обычной двухкомнатной квартире? На балконе, что ли? И там же с ней расправился? Сам? Да ни за что!

Да и вообще день рождения я хотел отметить с родителями и немногочисленными родственниками у себя в деревне. Так что овечке, хотела она того или не хотела, предстояло совершить семидесятикилометровое путешествие.

И мы ехали себе и ехали, весело болтая о том, о сем, пока мне вдруг не стало тревожно.

– Слушай, – сказал я Еркему. – Что-то тихо там, в багаж-

нике. Баран наш не задохнется?

– Да ну! – беспечно махнул свободной рукой водитель. – Я свой багажник знаю, он весь щелястый. А молчит – на то он и баран...

Но все же я попросил Ермека остановить машину. Когда открыл багажник и поймал на себе печальный взгляд овцы, стало как-то не по себе. В общем, жалко стало мне эту овечку. Я спустился с шоссе и нарвал травы посочнее.

По дороге Ермек, уже с явным неудовольствием, еще пару раз по моей просьбе останавливал машину, и я заглядывал в багажник, чтобы убедиться, что Бяшке едет нормально.

– Ты с ней уже как с родной, – насмешливо заметил Ермек. – Как теперь резать ее будешь?

– Почему я? Отец зарежет, – машинально заметил я. И тут же заскучал, представив, как отец валит Бяшку набок, вяжет ей ноги и... И я все сильнее чувствовал, что мне не хочется гибели этой дурашки-Бяшки, которую меня угораздило купить пару часов назад в совхозе, вырвать ее из нестройных рядов ее собратьев, затолкать в душный багажник и увезти от родной отары за десятки километров только затем, чтобы под водку употребить ее плоть в пищу на свой день рождения.

Когда мы подъехали к отчему дому, я, не дожидаясь, пока это сделает кто-то из домочадцев, сам распахнул ворота во двор, чтобы Ермек смог загнать «Москвичок».

А когда, завидев нас в окно, во двор вышли удивленные

и обрадованные мать с отцом и младшая сестренка – визит мой был неожиданным, так как обычно я приезжал в деревню на выходные, – я картинно распахнул перед ними багажник легковушки и сказал:

– Вот, дорогие мои, привез вам в подарок высокопородную овцу, казахский меринос называется. Шерсти с нее тебе будет, мама, столько, что хватит на носки нам всем. И это... ягнят она вам исправно таскать будет.

– Хорошее дело, – довольно кивнула головой моя мама, большая любительница вязать. – Сколько уже говорю папе: давай овец снова заведем, так нет, не хочет возиться с ними. А чего там возиться: все лето в стаде будут, а на зиму сена им совсем немного надо...

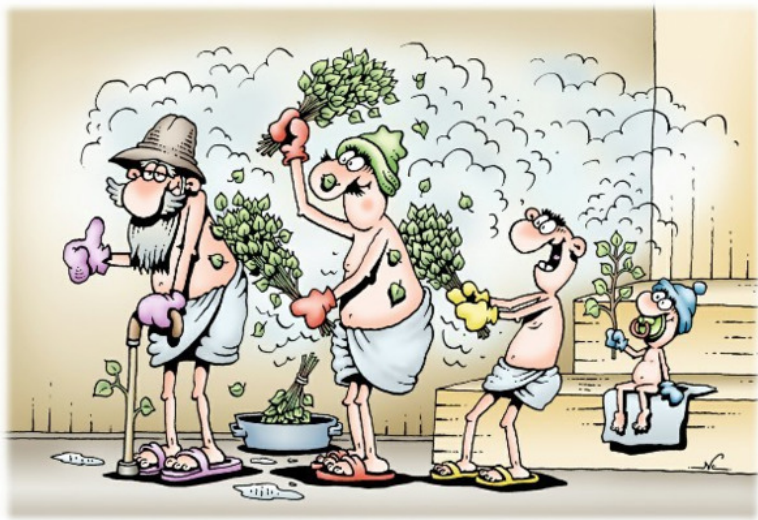
– Бэээ! – впервые за эти часы подала свой голос, приподняв кудрявую голову из жестяного узилища, Бяшка. – Бээээ!

– Какая красивая! – ахнула сестренка. – Да выпустите же ее отсюда! А я пойду для нее в палисаднике свежей травки нарву...

Вот так Бяшка стала основоположницей нового небольшого бараньего коллектива в подворье моих родителей.

А мяса на мой день рождения отец и так добыл – когда это было проблемой в деревне?

Трактат о бане

Бани есть у всех народов. Ну, если не у всех, то многих. Но широко известны при этом в основном турецкие хамамы, финские сауны и русские бани. Нет, в обратном порядке, так будет справедливее. Что это такое – баня, нам доходчиво растолковывает все знающая Википедия: «Баня в русском понимании – помещение, оборудованное для теплого мытья человека (в технической форме парной бани) с одновременным действием воды и горячего воздуха (в турецких и рим-

ских банях) или воды и пара (в русской и финской бане). Часто в русское понятие бани вкладывается весь комплекс действий, осуществляемых человеком в жарких помещениях в лечебно-профилактических, реабилитационно-восстановительных, развлекательно-оздоровительных, культовых (ритуальных) и досуговых целях». Ну, а я бы сказал проще – баня это праздник для души и тела, и, полагаю, вряд ли кто возьмется оспаривать эту истину.

Я почему-то помню первые свои помывки в бане с возраста, когда мне было лет десять, пожалуй. Мы тогда уже жили в Пятерыжске, бывшем казачьем форпосте на Иртыше, коренные обитатели которого, естественно, знали толк в парных. У нас своей бани не было, и родители ходили с нами, детьми, к соседу через дорогу, трактористу Михаилу Петровичу Кутышеву. Как мы там мылись, как выглядела баня – почему-то не запомнилось. Может быть потому, что я еще толком не распознал этого «праздника для души и тела» и походы в баню для меня и моих братишек была чем-то вроде обязательной повинности. Не то, чтобы неприятной, но, на мой тогдашний взгляд, не особенно продуктивной. Поскольку потраченное на баню время можно было с большей пользой провести на улице, в играх со сверстниками.

А вот родители, особенно отец, всегда относились к баням с особым пиететом. И уже помытые, распаренные, со светящимися умиротворенными лицами, еще долго заседали после помывки за столом у Кутышевых, в центре ко-

торого сипел испускающий блики большой никелированный самовар. Но пили взрослые, конечно же, не только чай: родители обязательно несли с собой бутылочку и что-нибудь из своей закуски для общего стола. И такие послебанные посиделки затягивались не на один час.

Потом мы стали ходить в баню к своим родственникам Саттаровым (сестре отца Сагадат-апа) – они купили дом у семьи моего одноклассника Валерки Писегова, с баней. Она была небольшая совсем, по-моему, плетушка (это когда пространство между двумя сплетенными из ивовых прутьев стенок засыпается землей), но по жару – просто термоядерная, уши начинали сворачиваться в трубочку уже в предбаннике. Кто-то скажет: а зачем так измываться над собой? Так ведь и не каждый ходил мыться в такой жар, пропуская вперед тех, кому это по нраву.

Обычно первыми шли большие любители попариться, как, например, мой отец. Тут я веду рассказ уже о ту пору, когда на нашу семью совхоз выделил аж четырехкомнатную квартиру с отоплением от автономного котла, и мы сами построили у себя во дворе из саманного кирпича уже собственную баню.

Так вот, отец делал по несколько заходов в парную, хлеща себя веником с небывалым остервенением, при этом рыча и взвизгивая. Попарившись, он, багровый как рак и с прилипшими к телу березовыми листьями, вылетал из бани и падал в снег (зимой его обычно во дворе было много, и к хозяй-

ственным постройкам расчищались лишь тропки), катался в нем и опять бежал в парилку. Домой он уже почти полз, настолько бывал обессилен, и долго потом отлеживался на диване, приходя в себя.

И уж после него в баню поочередно шли остальные члены семьи, кому такой сильный жар был не нужен. Но с годами и я распознал прелесть самоистязания веником в раскаленной парной, после которого наступает телесное и духовное обновление и тебя посещает истинная благодать. Заковыристо сказал, да? Но истинные любители попариться меня, надеюсь, поняли. И уже в 16—17 лет я с удовольствием поддавал пару – по чуть-чуть, как учил меня отец, окатывая из ковша раскаленные камни, отзывающиеся громким шипением. И пара при этом в бане практически не было видно, кроме струящегося, почти прозрачного как кисея жаркого марева. Вот это и был правильный, почти сухой, он же целебный, пар, избавляющий от простудных, ревматоидных и прочих заболеваний, ну или хотя бы облегчающий их.

В армии, куда меня призвали в ноябре 1969 года, париться поначалу было негде. В Нижнетагильской учебке, где я провел первые полгода службы, мыться нас строем водили в одну из ближайших городских бань. Помню, как нас, призывников, перед первой помывкой предварительно всех остригли налысо, а после сразу переодели в новенькое обмундирование, и мы тут же на какое-то время перестали узнавать друг друга, поскольку стали выглядеть совершенно одинаково.

во.

Париться тогда было некогда – нам давали время лишь на помывку, без прочих излишеств, и в парилку если удавалось заскочить, то лишь на несколько минут. Последующие полтора года армейской службы так же не удавалось толком попариться – все бегом, бегом, пока один взвод помылся, ополоснулся, уже следующий его подпирает... Да и парилки толковой не было в самодельной солдатской бане. И уже лишь дома, после увольнения в запас, я отвел душу – за три или четыре захода в парилку исхлестал об себя весь березовый веник, лишь прутья от него остались!

Ну а дальше вновь потекла размеренная гражданская жизнь, с обязательными еженедельными помывками в бане. Это была или коммунальная в райцентре, где я через год после возвращения из армии стал работать в районной газете, или дома у родителей, к которым я время от времени навещался по выходным, или – реже, – у кого-либо в гостях в многочисленных командировках по совхозам района.

При поступлении в университет в Алма-Ате живущий там к тому времени мой одноклассник Вовка Гончаров подговорил меня съездить в общественную баню супер-класса «Алма-Арасан». Ничего подобного в своей жизни я еще не видел: это был самый настоящий дворец, выложенный из мрамора, гранита, с венчающим крышу голубым куполом. А внутри баня выглядела еще роскошнее, она просто вся сияла, отделанная благородными материалами, разукрашенная

панно, картинами...

Ну с чем можно было сравнить ее внутренне убранство? Разве что с Московским метрополитеном (простите меня, неискушенного, за вольность такого сравнения, но вот так запомнилось). В «Арасане» можно было помыться и попариться в русской, турецкой банях, попотеть в финской сауне, охладить раскаленное паром тело в бассейне. Помню, как я, блаженствующий, лежал на теплой воде спиной и смотрел в перевернутую чашу купола на потолке, из сквозного круглого отверстия которого внутрь бани, прямо на купающихся в бассейне, медленно падали снежинки (была толи ранняя весна, толи уже начало зимы, запамятовал) ...

В процессе купания мы с Володей, завернутые в белые простыни, как римские патриции в тоги, выходили к кафе и с благостными, розовыми лицами пили душистый чаек из самовара, закусывая печеньем, конфетами. Негромко играла музыка, туда-сюда неспешно проходили такие же румяные «патриции». Отдохнув малость, мы снова шествовали в парную.

Я бы с удовольствием провел в такой бане-дворце целый комплекс. Но увы, мыться в «Арасане» хотели многие, и потому сеансы были лимитированы – час, который стоил, кстати, очень неплохих по тем временам денег – 20 с чем-то рублей! Правда, при желании можно было и задержаться, приплатив энную сумму администратору мимо кассы. Я уже не помню, воспользовались ли мы с Вовкой такой возмож-

ностью. Но то посещение благословенного «Арасана» я запомнил на всю жизнь, потому что больше никогда в банях такого класса не был.

А спустя несколько лет, в конце 70-х, случилось неслыханное событие: в Пятерыжске, в этом небольшом селе на сто с чем-то дворов, впервые за всю его многолетнюю историю, построили общественную баню! Как обрадовались сельчане, особенно те, у кого не было собственных теломоек (во, неологизм придумал!). Да и те, у кого они были, тоже возрадовались. Знаете, протопить баню – это не такое простое дело. Надо и дров хороших запас для нее иметь, и воду всякий раз натаскивать: во вделанный в печь чан – для нагревания горячей, и в бочку в предбаннике для холодной. А после еще и привести баню в порядок: помыть ее, вычерпать сливную яму, если там много накопилось использованной, грязной воды.

А тут – заплатил какие-то копейки, и иди, парься и мойся на здоровье, не жалея воды, да еще и в компании односельчан, с кем можно потрепаться между делом, обсудить какие-то неотложные дела. Ну просто мужской клуб! Конечно же, и женщины мылись в этой бане, но, разумеется, в установленный день. Баня работала, если не ошибаюсь, несколько дней в неделю и успевала обслужить всех желающих. Я тоже помылся в ней пару раз, и остался вполне доволен.

Пар, правда, был очень влажным – он извлекался не из каменки, а из нескольких труб с просверленными в них отвер-

ствиями. Открыл вентиль, и пар, зашипев, засвистев, быстро начинал заполнять парилку густым горячим туманом, обволакивая тела моющихся и заставляя их обильно потеть и тем самым, через раскрывшиеся поры, очищать кожные покровы.

Как бы то ни было, но пятерыжцы очень любили свою баню. К сожалению, просуществовала она недолго: с перестройкой в 90-е годы совхоз «Железинский», четвертым отделением которого и был Пятерыжск, развалился, все производство свернулось, а вместе с ним сгнули и все объекты соцкультбыта: клуб, детский сад, даже магазины, что уж тут говорить про баню. И снова мои односельчане моются в своих банях или у соседей. Ну да это не беда. Главное – им есть, где помыться.

Следующий этап моей жизни, причем самый значительный, пришелся на Крайний Север. Я 22 года прожил в Эвенкии, куда уехал в 1989 году по приглашению газеты «Советская Эвенкия». Здесь, недалеко от Полярного круга, где морозы зимой достигают 60 градусов, а сама зима длится полгода, существует настоящий культ бани. Где еще в долгие зимние вечера отогреться душой и телом, как не в баньке? И потому в столице Эвенкии, поселке городского типа на пять с небольшим тысяч человек, где есть две коммунальные бани, еще «до кучи» – несколько десятков частных.

Обе общие бани (одна на берегу Тунгуски, другая у ручья Гремучий, между ними расстояние всего в несколько сот

метров) имеют прекрасные парные, с сухим паром, который получаешь, подкидывая кипяток во вмурованные в печи об-резки здоровенных труб с раскаленными внутри добела кам-нями. Мы с женой попеременно ходили в обе эти бани. С со-бой обязательно брали чаек с брусникой, березовые веники покупали там.

Помню, как в первый год нашего пребывания в Эвенкии, в ноябре, когда уже ударили морозы за -40 (конкретно в тот день -48), мы со Светланой в очередную субботу пошли в ту баню, которая поменьше – на берегу ручья Гремучий. Оде-лись потеплей и – хруп, хруп, хруп по снегу, выдыхая клу-бы морозного пара, поспешили к ждущей нас, как мы дума-ли, парной. Пришли, а там – замок висит, и записка: «Ба-ня не работает». Почему – объяснений никаких. Что делать, идти домой, не помывшись? Но это было не в наших прави-лах, и мы потопали по этой жуткой стуже почти за километр на другой конец поселка, к Нижней Тунгуске, где располагалась центральная баня. И ничего, дошли, и хорошенько ото-грелись в парной (каждый в своем отделении, конечно), по-мылись и, просветленные и чистые, вернулись домой.

Но мне все же больше нравились да и нравятся частные бани, в которых нет очередей, не надо толкаться локтями и прочими оголенными частями тела у кранов с холодной и горячей водой, и на полке в парной сам себе барин, и под-даешь пару, сколько тебе надо, а не прислушиваясь к поже-ланиям соседей («Э,э, погоди, еще прежний пар не разошел-

ся!). До сих пор добрым словом поминаю крошечную баньку у нашего редакционного водителя Володи Антипина, срубленную из лиственницы. Она у него скромненько устроилась среди огуречных и помидорных грядок в огороде, у крутого, сплошь поросшего лиственницей и кустарником склона над бормочущим внизу ручьем Гремучий, стекающим в приток Тунгуски – Кочечум.

Банька размером где-то всего три на два метра. Но все было при ней: и предбанник, и каменка, и полоч, и запас березовых веников. А малые размеры помогали ей в суровые эвенкийские морозы быстрее нагреваться, и пар здесь был просто термоядерным – «аж уши в трубочку скручиваются!» говорят в таком случае. И всякий раз, когда Володя говорил, как бы между прочим, что вот, баньку собирается истопить, я тут же, тоже как бы между прочим, спрашивал его: а что, хватит ли у него пару еще на одну пару желающих попариться? И конечно, пару на нас хватало. И еще оставалось.

Построив новую, более просторную баню, буквально в десяти метрах от старой, Володя долго продолжал пользоваться прежней – видимо, и сам никак не хотел расставаться со старой, такой родной, обжитой, уютной, безотказной. А из новой он сделал... летнюю кухню!

Но чувствую, пора уже закругляться – ведь про баню, эту непременно спутницу жизни всякого чисто плотного человека, можно писать бесконечно. К сожалению, переехав в большой город, я практически лишился возможности ре-

гулярно посещать частные, да и вообще – даже коммунальные бани и обхожусь, как всякий горожанин, ванной и душем. Но это все не то, не то. И потому, как только оказываюсь в селе у кого-то из родных, непременно прошу истопить баньку. Да их и просить не надо: все они знают, что я большой любитель попариться. Или вернее будет сказать – профессионал!

Встреча одноклассников

С автовокзала областного центра Егор сразу поспешил в среднюю школу №7, в которой доучивался после своей деревенской восьмилетки. Тем более, что идти-то до нее нужно было всего пару кварталов. Рядом со школой, всего в сотне

метров, жила и его тетка Варвара Петровна, у которой Егор квартировал эти два года, что учился здесь. И вот прошло уже десять лет, после того как их дружный одиннадцатый «б» после шумного выпускного вечера разбрелся кто куда.

Егор окончил зооветеринарный техникум в соседнем райцентре и вернулся ветврачом в свою родную Быковку. Работа ему нашлась тут же – бывший директор совхоза Петр Иванович Махонький на руинах хозяйства умудрился каким-то образом создать сельхозкооператив, куда и пригласил Егора в качестве ветврача.

Егор хорошо справлялся со своей работой: лечил и прививал от всяческих скотских хворей свиноматок и получаемый от них приплод, проводил всякие другие плановые ветеринарные мероприятия. Он женился на соседской дочери Ирине, работавшей секретарем в конторе, поухаживав за ней пару месяцев, и ему дали квартиру от сельхозкооператива в доме на двух хозяев. Егор обзавелся детьми и собственным хозяйством, без которого жизнь на селе просто невысказана. И жизнь потекла своим чередом, в которой практически все время было занято работой на кооператив, хлопотами на собственном подворье, воспитанием двоих сыновей.

Бывших своих одноклассников он практически не видел, потому как почти безвылазно жил у себя в Быковке. Правда, когда бывал в городе по делам, пару раз заходил в школу, где и оставил бессменной директрисе Варваре Васильевне свои координаты (да они у него и не менялись, если не считать

почти трех лет учебы в техникуме). По ним-то она и нашла Егора и известила его о затеваемой встрече их выпуска, на которую он оставил пару тысяч рублей, а теперь вот и сам пожаловал.

К тетке Егор решил зайти уже после вечера – заночевать-то все равно где-то придется. Он и так уже опаздывал – на часах было за шесть вечера, когда он подошел к знакомому двухэтажному зданию, обсаженному по периметру кудрявыми липами и разлапистыми тополями. И, похоже, опоздал он не один – к воротам школы подкатила крутая черная иномарка в сопровождении другой, поскромнее, но тоже черной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.